

Анна ДОЛГАРЕВА

* * *

И когда над сонной Москвою падал легкий пушистый снег,
Снилось мне, что я — атаман Пашка, лихой человек,
со звонким посвистом, рыжими вихрами, тяжеленьким кистенем,
и бездомный ветер песню поет о нем.

Да идут по следу государевы люди, поспешай от них, атаман.
Уходи на лодке через пороги, минуя лес да туман,
увози свое дорогое, Пашка, — награбленную казну,
да топорик острый, да еще Алену — молодую твою жену.

Не уйти тебе, атаману, деревья корнями в весло впились,
проржавел топор да прямо в руках осклиз,
тянет лодку ко дну тяжеленькая казна,
и товарищи старые тянут руки к тебе со дна.

Ничего, смеется Алена, ничего, нас никто не возьмет,
не гляди назад, мое сердце, направляй же лодку вперед,
и она становится старой, юной или любой,
и поджигает лодку, потому что это любовь.

И вот так мне снилось, что уходят они в огонь,
атаман Пашка с женой Аленой, ладонь в ладонь,
потому что это свобода, перед которой отступает беда,
потому что это любовь, не умирающая никогда.

* * *

Вот в этом бессловесном, серебристом,
В шершавом, словно старая газета,
Мы вверх летим, как пузырьки в игристом,
Мы сделаны из мяса и из света,
Из черных дыр, из ничего — такого,
Что обретает сущность и бессмертье.
Мы состоим из вечности и слова,
Из святочного старого поверья.
До первого трамвая, до начала
Свет фонарей так призрачен и тонок
И укрывает легким одеялом,
И снег ложится в руки, как ребенок.

Анна Петровна Долгарева — поэт, журналист. Родилась в 1988 году в Харькове. Публиковалась в журналах «Урал», «Крещатик», «День и ночь». Лауреат Григорьевской премии (2019). Живет в Москве.

* * *

У берега желтая лодка
Качается. Тина под нею.
Хочется то ли водки,
То ли петлю на шею.

Дорога дождями раскисла.
Черный узор веток.
И нет никакого смысла,
И слава Богу за это.

В сумраке этом осеннем,
Неизъяснимо синем,
Как Вам, Сергей Есенин,
Болтаться по-над Россией?

Высунув язык черный,
Ртом навсегда оскалась,
Висит, дождями моченный,
Сбежавший от старости.

Хреново, Сергей Есенин,
После Вас быть русским поэтом.
Заранее смертной сенью
Благословите это.

Впрочем, какое после —
Не мертвь, не забыт, не слышим.
Глаза его вперены в осень,
Руки стучат по крышам.

* * *

По ночам, когда приходит бессонница,
все время гадкое что-то вспомнится:
например, как в двадцать два я кричала
на свою постаревшую маму,
перечисляла чуть ли вообще не с начала
все обиды из нутрякового хлама,
а мама плакала, а я продолжала,
потом меня несло куда-то к вокзалу,
потом я вообще уехала в другую страну.

Сколько же можно вспоминать-то, ну.

Так вот уезжала я по снежному февралю
и с тех пор и засыпаю я на краю,

с кем бы ни ложилась, всегда лежу на краю,
и подолгу я ворочаюсь, и не сплю.
Жду, когда придет серый волк, утешитель сирых,
круглую луну, как головку сыра,
проглотит, и будет медовым его дыханье,
травами пахнущее, а не псиной.
И в тишине, в которой слышатся шаги тараканьи,
он наклонится надо мной, и зеленый взгляд
отразит искрящийся небосвод,
и слова его тоску мою утолят,
и выест он бессмысленный мой живот.

* * *

Ноябрь — ледяной колодец, темный провал.
Словно пора выходить, но почему-то не объявили.
Обесцвечивается одежда, признания и слова.
В Москве локдаун, закрыты винные.
Время говорить с близкими — ну то есть с котом.
Говорю: кот, мой кот, как удивительно ты бесстрашен,
подставляя мне горлышко, брюшко в меху густом,
беззащитные — так будешь же ты наглажен.
Кот переворачивается со спины на бок,
осторожно, не больно меня кусая,
как бы говоря: человек, не так уж ты одинок,
время сыпать в мисочку еду для кота, и
если холодно — то согреться. Если одиноко — то
будь со мной, если не с кем больше. Так мы с тобой и выживем.
И склоняюсь я, соглашаясь, перед котом.
Сам он как шпрота, а живот почему-то рыжий.

ЖАТВА

*

Ноябрь, электричка до Гатчины, поезд идет лесами,
к вечеру холодает, сосны кажутся парусами,
вытекает тепло из маленького человечка.
Черная жатва, Черная моя речка.

Не помню, я уже, наверное, говорила,
что здесь, на севере, каждую безымянную реку
называли Черной. От темного ила,
прибившегося по берегу,
они все друг на друга похожи.

Я ехала здесь же, когда я была моложе
и лучше на три, кажется, года.
В ноябре здесь всегда дурная погода,

и мертвые ходят среди людей.
Вот, например, вот этот пацан — стоит, не садится,
или вот эта тетка с корзиной груздей,
я научилась узнавать их лица.

*

Время печь свежий хлеб, но я не умею.
Поэтому подойду к киоску с шавермой,
попрошу у Махмуда свежий лаваш, понесу его через аллею,
теплый еще — это сойдет, наверно.

Все-таки лучше, чем магазинный.
Вечер, да мелкий дождик, да свет синий,
некоторый взгляд извне,
рюмка, накрытая ломтем, на окне.

Это максимально русское:
помянуть наших мертвых водкой, хлебом, блинами.
И вся наша музыка,
и традиция — третий тост, не чокаясь, за тех, кто не с нами.

*

Вот так и сиди, вглядываясь.
Смерть делит мир надвое.
Черные сосны, болота ржавые,
Черная жатва.

Возьми, говорю пацану, с собой шоколадку,
хоть вспомнишь, как это — сладко,
а больше ничего с собой не взяла.
Хоть бы крохой поделиться тепла.

Передай, говорю, моим, что я их не забыла,
пусть прилетают птицами белокрылыми,

*и сходит он, идет в бурьяне золотом,
и речка Черная струится под мостом.*